

УДК 821.161.1-32(Распутин В.). DOI 10.26170/ФК20-02-02. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,44.
ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.01

«АНГЕЛЬСКИЕ СОЗДАНИЯ» В ПРОЗЕ В. РАСПУТИНА: СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ, ФУНКЦИОНАЛ

Ковтун Н. В.

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
(Красноярск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>

А н н о т а ц и я . Цель статьи – анализ типологии вестников (от др.-греч. ἄγγελος, angelos) в прозе В. Распутина: от языческих медиаторов, юродивых до святых и «ангельских созданий». В духовной культуре вестник – «сверхчеловеческое существо, посредник между человеком и богом». В работе исследованы поэтика встречи и общения с вестниками (хронотоп и обстоятельства), изменение их функций. Описано своеобразие вести, тайны, которую посланники открывают героям. Важность образов вестников, усиления которых осуществляется связь между временами и пространствами, определена спецификой мировоззрения писателя, основу которого составляет вера в единство Вселенной и человека. Герои видят пророческие сны, видения, общаются с умершими предками, что соответствует базовым практикам визионерства.

Вестники в прозе художника, помимо основной миссии, имеют свой особенный функционал, который и подчеркивает типология. Вестники-медиаторы связывают различные миры, легко проникая через границы (ворона из рассказа «Что передать вороне?»); мудрые старухи, юродивые могут приблизиться к тайне, распахнуть границы существования в пределы неназываемого. Святые и ангельские создания (Наташа из одноименного рассказа, девочка Катя из «Нежданно-Негаданно», медсестры с «иконописными лицами» из рассказа «В больнице») изначально связываются с чудом. Встреча с ангелом выстраивается по апокрифической модели отношений испытателя и испытываемого, мгновенно выявляя духовный потенциал личности. Образы ангелов тоже разнятся между собой. Если образы Наташи, красавиц медсестер соотносены с фигурой ангела-хранителя, спасающего героя здесь и сейчас, то девочка Катя – с образом Свидетеля Бога. Появление Свидетеля в земных пределах происходит, как правило, в трагические времена. Акцент на ангельских образах в позднем творчестве мастера связан с усилением трагизма мироощущения, он не может не видеть истончение веры, роковое бессилие народа. Писатель впадает в отчаяние, однако, надеется на возможность чуда, жажда которого пронизывает его позднюю прозу.

К л ю ч е в ы е с л о в а : визионерские практики; хронотопы; ангелы-хранители; рассказы; русские писатели; литературное творчество; литературные образы.

“ANGELIC CREATIONS” IN THE V. RASPUTIN’S PROSE: SPECIFICITY OF REPRESENTATION, FUNCTIONS

Natalya V. Kovtun

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>

A b s t r a c t . The purpose of the article is to analyze the typology of messengers (from Old Greek: ἄγγελος, angelos) in V. Rasputin's prose: from pagan mediators, fools to saints and “angelic creatures”. In spiritual culture, the messenger is “a superhuman being, an intermediary between man and God”. The paper examines the poetics of meeting and communicating with the messengers (chronotope and circumstances), changing their functions. The originality of the message that the messengers reveal to the heroes is described. The importance of images of the messengers, whose efforts make the connection between times, is determined by the specifics of the writer's worldview, which is based on the belief in the unity of the world and man. Heroes see prophetic dreams, visions, communicate with deceased ancestors, which matches with archaic visionary practices.

Messengers in the artist's prose have their own special functionality, which is emphasized by the typology. The messengers-neurotransmitters bind to different worlds, easily passing through the border (a wise raven from the story "What to convey to the crow?"); wise old women, fools can approach the mystery, open the borders of existence to the limits of mystery. Angelic creatures stand out of the indicated range. Natasha from the story with the same title, the girl Katya from "The Unexpectedly" ("Suddenly"), nurses with "iconpainted faces" from the story "In the Hospital", whose appearance among people was initially defined as a miracle. The meeting with the angel is built on the model of the tester and the test subject, instantly revealing the spiritual potential of the individual. Images of the angels also differ from each other. If the images of Natasha and the nurses are correlated with the figure of the guardian angel, then the girl Katya is associated with the image of the Witness of God. The appearance of the Witness on the Earth occurs in tragic times. The emphasis on the angelic images in the master's later work is associated with an increase in the tragedy of the worldview, he can't help seeing the thinning of faith and the powerlessness of the people. The writer falls into despair, but hopes for the possibility of a miracle, the nostalgia for which permeates all his later prose.

Key words: visionary practices; chronotopes; guardian angels; stories; Russian writers; literary creation; literary images.

Для цитирования: Ковтун, Н. В. «Ангельские создания» в прозе В. Распутина: специфика репрезентации, функционал / Н. В. Ковтун. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 19–32. – DOI: 10.26170/FK20-02-02.

For citation: Kovtun, N. V. (2020). "Angelic Creations" in the V. Rasputin's Prose: Specificity of Representation, Functions. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 2, pp. 19–32. DOI: 10.26170/FK20-02-02.

Введение. В статье представлена типология вестников (от др.-греч. ἄγγελος, *angelos*) как части образной системы В. Распутина, сделана попытка определить их функции, специфику представления. Отличительной особенностью прозы мастера и является мистицизм. В актуальном литературоведении писателя относят к духовным реалистам («мистическим реалистам»), выделяя его способность к постижению не только зримого, земного бытия, но и сверхбытия [Галимова 2014: 69]. Т. Л. Рыбальчико как одно из характерных свойств героев Распутина называет «метафизическую интуицию», позволяющую им почувствовать, передавать тончайшие проявления инореальности [Рыбальченко 2007: 7]. Мы будем называть таких персонажей вестниками, они несут тайное знание – весть, выступают связующим звеном между временами и пространствами, приближают к границе неведомого. В духовной культуре вестник – «сверхчеловеческое существо, посредник между человеком и богом» [Большой путеводитель 1993: 33].

Глобализация, ускорение жизненного темпа, технический прогресс, не ограниченный нравственными нормами, грозят отлучением от насущных вопросов бытия. В этих условиях писатель и создает свой образ художественной вселенной, основание которой составляет религиозный мистицизм, вдохновленный поиском бессмертия, абсолютной

красоты и справедливости, когда времени уже не будет. Наиболее отчетливо это проявилось в рассказах 1990-х («Изба», «В ту же землю...», «Новая профессия»), но было намечено и в более ранних текстах: «Идеальный герой (героиня) писателя – носитель онтологической истины, посредник между здешним и запредельным. По существу это – заземленные мистического, оплотнение идеи, психологизация условности, визуализация должного, персонификация императива. Все это сводится к парадоксу нравственного визионерства – воображения и сотворения-созерцания живого идеала в действии» [Плеханова 2016: 35–36].

Особый интерес в связи с этим вызывает исключительная ситуация, у которой свой хронотоп, где смерть осознается одной из форм продолжения и проявления жизни, открывает скрытые смыслы бытия. Признание бесконечности мироздания выстраивает в единую парадигму прошлое и настоящее, вечное и проходящее, живое и мертвое. Личность (микрокосм), ее судьба постигаются через это единство, через связи с родом, природой, которая одухотворяется. Человек развивается, припоминая в себе изначальные знания, лежащие в основании Вселенной, уравнивающие его как микрокосм с макрокосмом – «единым для всего чувствилищем» [Распутин 2007, т. 2: 357]. Чувствилище суть «живое сре-

дотоchie знания (памяти, истины), красоты (полноты, совершенства), этики (блага, благодати)» [Плеханова 2016: 48].

Мир заполнен чудесными звуками, звуками, вспышками света как знаками присутствия мистического. Герои В. Распутина видят пророческие сны, видения, общаются с умершими предками, что соответствует *базовым практикам визионерства*. В эти мгновения и приоткрывается тайна сущего, рождая тоску по идеалу, запечатленному в песне (что поют бабы на последнем материнском сенокосе) или молитве. «Диалог мира и человека совершается через время – встречу в одной точке пространства чудесно сотворившегося дня и созревшего для него человека» [Плеханова 2010: 392]. Такими чудесными встречами отмечено житие *старух* – Анны («Последний срок», 1970), Дарьи («Прощание с Матерой», 1976), Агафьи («Изба», 1999) [Ковтун 2015: 306–315]. В литературоведении Дарью и назовут «вестником бессловесного бытия» [Рыбальченко 2007: 7]. В описании сверхъестественного автор удивительно реалистичен, чудесные явления и образы пластичны, конкретны, осязательны, связаны с насущными потребностями визионера.

Обсуждение и результаты. Типология проводников к пределам инопространства. Герои могут приблизиться к пределам сакрального только в сопровождении *чудесного проводника* – вестника, что соответствует традиции древнерусской духовности [Ковтун 2015: 277–289]. В древнерусской словесности функции проводников выполняют *святые, птицы, божественные посланники или ангелы* [Зозуля 1971: 15–25]. Так, в момент подготовки к переходу старуху Анну встречает ее двойник – *воплотившаяся Смерть*; в «Видении» (1997) такова роль *седого старца*, ждущего героя-визионера у порога инобытия / смерти; в «Прощании...» функции медиатора выполняют *старуха Дарья* и *юродивый Богодул*, чей барак, как и изба Агафьи («Изба»), становится порогом между мирами, живым и мертвым. В этом же ряду *мудрая ворона* из рассказа «Что передать вороне?» (1981). Помимо основной функции, вестники обладают своей спецификой, которая и позволяет говорить о типологии. Мы выделяем *вестников-медиаторов, вестников-судей и идеальных посланников – святых и ангелов*.

К категории вестников-медиаторов относится, прежде всего, *мудрая ворона* из рассказа «Что передать вороне?», которая легко преодолевает границы чудесного: «Не знаю, не смогу объяснить почему, но с давних пор живет во мне уверенность, что если и существует связь между этим миром и не этим, так в тот и другой залетает только она, ворона» [Распутин 2007, т. 2: 340]. Самого героя-повествователя из духовных странствий возвращает именно «крик вороны». Упомянем в этой парадигме и «*царский листвень*» на острове Матера – мифологического медиатора, связующего «нижний», земной и Небесный миры, но не выполняющего функции проводника.

Хранители и судьи – *юродивые* (от деда Гордея до материнского Богодула и дяди Миши Хампо в «Пожаре»), *мудрые старухи* и наследующие им *новые пророки* (рассказы «В ту же землю», 1995; «Новая профессия», 1998). Они обладают даром приближения / проникновения в тайну, могут распахнуть границы существования в пределы неназываемого. Так старуха Дарья в трагический момент гибели острова идет на кладбище и взывает к предкам, получая ответ на свое вопрошание. Юродствующие герои взыскуют «последней истины», крики, угрозы юрода знаменуют начало Страшного суда, что и демонстрирует судьба Богодула, предупреждающего материнцов о наступлении «последних времен».

Идеальные посланники – *святые* и «*ангельские создания*». К первым можно отнести *неподвижного старца* в рассказе «Видение», которого наблюдает визионер на перекрестке бытия и небытия: «Видна его крупная и белая непокрытая голова, видно, что роста он небольшого. От меня не разглядеть, куда оборочено его лицо и во что он всматривается, но чтобы подолгу стоять неподвижно, надо во что-то всматриваться, чего-то в терпении ожидать» [Распутин 2007, т. 3: 435]. В исследовательской литературе образ ассоциируется со Св. Николаем Угодником: «Портретные детали отчетливо напоминают иконописное изображение Николая Чудотворца» [Цветова 2018: 56]. Эту версию отчасти подтверждает очерк «На Афоне» (2005), где в такой же позе ожидания чуда застыл монах: «На невысоком откосе подле монастырской стены долго и неподвижно стоит монах и, прикрываясь ладонью

от солнца, смотрит в море» [Распутин 2007: 422].

«Ангельские создания» – *Настена* из «Живи и помни» (1974), *Наташа* из одноименного рассказа, *девочка Катя* из «Нежданно-Негаданно» (1997) (цикл рассказов о Сене Позднякове), *медсестры* с «иконописными лицами» из рассказа «В больнице» (1995), их появление среди людей изначально определено как *чудо*. Образы ангелов в прозе В. Распутина тоже разнятся между собой: Настена, Наташа, красавицы медсестры выступают реальными спасительницами автора-повествователя или героев, открывая возможность духовного преображения (Настена и Наташа), возрождают к жизни (медсестры из рассказа «В больнице»). Их описание конкретно, вплоть до деталей одежды, акцентируются элементы телесного, с ними связано откровение некой истины, тайны, помогающей выжить здесь и сейчас. Таких героинь мы будем относить к *ангелам-хранителям*. В отличие от них *ангел-Свидетель* (девочка Катя из рассказа «Нежданно-Негаданно») суть ангел во плоти, облик которого отрешен от реальности, возвышен, самозамкнут, принципиально неопосредуем.

Встреча с ангелом в творчестве писателя, вослед традиции, выстраивается по модели отношений *испытателя* и *испытываемого*, мгновенно выявляя духовный потенциал личности. В народных легендах, апокрифах святые апостолы, Ангелы ходят по миру неузнанные, помогают слабым, спасают достойных или готовят возмездие. События вершатся не по человеческому разумению, а в перспективе Страшного Суда: богатые наживаются на слезах обиженных, бедняки страдают – но тем вернее первым обеспечена грядущая расплата, а вторым – воцарение («Бедная вдова», «Христос и апостолы») [Народная проза 1992]. Апокрифы, предполагая присутствие Бога, Ангелов на земле, их участие в делах человеческих, исключают, однако, возможность их узнавания. Ортодоксальная ангелология ставит людей, преданных вере, почти на один уровень с ангелами [Большой путеводитель 1993: 34]. Литературные версии изображения пришествия святых, ангелов и самого Христа, как правило, разрабатывают *апокрифическую модель* явления вестников в земные пределы

(тексты Ф. Достоевского, Л. Толстого). Уточним, в основе таких представлений лежит *глубокая вера*, как и в случае с В. Распутиным, редукция которой в культуре XX столетия изменяет представление о вестниках, внимание художников с фигуры избранника смещается на его земные скитания.

Возможность объединения в единую парадигму *чудесных птиц, юродивых, ангелов и святых* в творчестве В. Распутина продиктована, в том числе, спецификой мировоззрения автора, убежденного в глубинных связях отечественного православия с древними языческими культами, без учета которых понимание национальной культуры невозможно [Степанова 2015: 313–327].

Ангел-хранитель, специфика репрезентации в рассказе «Наташа». В творчестве В. Распутина *ангельский образ* уже намечен в одной из самых драматических повестей – «Живи и помни» (1974), повествующей о Великой Отечественной войне как глобальной катастрофе, противостоянии добра и зла. По сюжету юную Настену, спасающуюся после гибели родных от голодной смерти, сопровождает маленькая сестренка Катька. Они просят милостыню, «обходятся подаванием, которое давали ради маленькой и хорошенькой Катьки. Без нее Настена, наверно, пропала бы» [Распутин 2007, т. 3: 13]. Сам путь главной героини символически означает постепенное движение вниз: с верхней Ангары в село с дурной разбойничьей славой – Атамановку. Пока с нею Катя, девочкам удается получать хлеб и приют. После замужества спутником Настены вместо нищенки Кати становится муж-оборотень [Ковтун 2015: 232–241]. Героиня, подобно ангелу-хранителю, посланная *Андрею во спасение* (Анастасия – «возвращенная к жизни», воскресшая), им же обрекается на гибель, одновременно дезертир приговаривает и себя. Известно, что в образе Настены писатель выразил сокровенный женский идеал. Фигура героини подсвечена чертами *Богородицы* – Андрей признает: «Богородица ты моя», и *Софии-Премудрости*. Девушка награждена «красным от зимнего загара, круглым лицом», судьбой избранницы: «Настене казалось, что она замечена, выделена из людей – иначе на нее не пало бы сразу столько всего» [Распутин 2007, т. 3: 114]. Образ Насте-

ны структурирует все отношения в повести, на нем держится сюжет.

Появление образов *ангелов-хранителей*, исполненных любви и милосердия, призвано уберечь человека от отчаяния. Классический пример в этом отношении рассказ «Наташа» (1981), героиня которого ассоциируется с проводником на пути духовного самосовершенствования героя [Жукова 2012: 589–593]. В критике образ включен в широкое семантическое поле, связывается с персонажами классической литературы: «К восприятию Наташи как ангела-хранителя подталкивают также возникающие в сознании читателя литературные параллели – и прежде всего Наташа Ростова и княжна Марья», которые спасают раненых, согревая людей своим теплом [Преловская 2012: 194–195]; темой Вечной Женственности [Подрезова 2007: 92–104], что служит развитием одной из ключевых идей В. Распутина – идеи женственного начала мира, мировой души, которая особым образом связана с даром украшения, преображения бытия – София как Художница, раскрасившая эскиз мироздания [Козырев 2017: 100–114]. Образ Наташи интерпретируют и как олицетворение «Русской идеи», русской земли в целом [ДеБлассио 2007: 104–109]. Общим для названных исследований остается указание на особую природу девушки, появление которой изначально связано с тайной.

Первое воспоминание рассказчика о Наташе соотносится с инопротранством, он определяет его как «странное соединение сна, может быть, даже не одного сна, с реальностью» [Распутин 2007, т. 2: 361]. Девушка появляется в больнице за три дня до тяжелой операции героя и исчезает после того, как пациент возвращается к жизни. Наташа сразу воспринимается «родным человеком», присутствие которого скрашивает пребывание в больнице – «чужом», пограничном пространстве, напоминающем *лабиринт*: длинные коридоры, череда палат, операционная. Героиня старается не привлекать к себе внимания, скрыться за спиной врача, но тем очевиднее вызывает интерес рассказчика, пытающегося вспомнить их прежнее знакомство, «которое должно было выйти из привычного порядка вещей» [Распутин 2007, т. 2: 362]. Наташу отличают скромность, вплоть до робости,

стыдливость, терпеливость, безотказность, молчаливость и доброта, характеризующие национальный идеал святости. Автор подчеркивает вписанность ангельского образа в пределы «своего» пространства, России: «Совсем еще молоденькая девушка, рослая и пухлая, но в пухлости своей какая-то вся аккуратная, без излишеств, и заманчивая, словно бы так с самого начала и задуманная, с широким, мягким, цветшим добротой лицом, встретив которое даже где-нибудь в Австралии или Новой Зеландии можно без опаски заговаривать по-русски» [Распутин 2007, т. 2: 362]. Оплотенный до образа девушки *ангел* – продолжение миссии земных подвижников, юродивых, когда узнаваемо жизненные черты приобретают мистическое продолжение.

Героиня изображается, как правило, на границе миров: в проеме больничной палаты, в коридоре, что отличает и бытие Настены, описанной на пороге бани, избы, на реке меж двух берегов. Иноприродность Наташи профанной больничной обстановке очевидна: «Пожалуй, на нее смотрели как на человека немножко не от мира сего», но «без странностей, причуд и наивных глаз которых мы, люди мира сего, давно свернули бы себе шею, если бы нас не останавливало их робкое непонимание» [Распутин 2007, т. 2: 363]. В образе усилены и софийные черты: «Наблюдать за ней доставляло удовольствие, словно сама душа затоплялась в тебе счастливым ответным смущением» [Распутин 2007, т. 2: 363]. Уже взгляд Наташи аналогичен *благословию* и *утешению*: «Она избегала смотреть на меня и все-таки с испугом взглядывала и крупно, словно крестясь, принималась моргать» [Распутин 2007, т. 2: 365]. После операции, которая суть испытание, герой вспоминает первое знакомство с Наташей. Узнаванию предшествуют традиционные для поэтики автора знаки переходности: огромное окно как выход в иной мир, *голоса, сумеречный свет*.

Окно, рама картины, проем двери... ограничивают обзор визионера. Границы обзора зачастую «представляют собой довольно жесткую рамку – окно дома, в который попадает герой, через это окно „тот свет“ открывается обозревателю..., иногда обозрение ограничено линейно – картиной, открывающейся визионеру с дороги, по которой его ведут», –

замечает исследователь [Левкиевская 2006: 13]. За окном, где рассказчик видит обычный пейзаж, героине открываются иные пределы: «Задумавшись, она порой подолгу смотрела в окно в коридоре, куда-то поверх улицы и домов, и до того ей приятно было что-то там видеть, что лицо ее озарялось уже не краской смущения, а волнением только ей одной лишь доступного чувства» [Распутин 2007, т. 2: 364].

В пространстве чудесного ангельская природа девушки очевидна: «В сумерках ее фигура показалась мне выше и легче, точно парила в воздухе» [Распутин 2007, т. 2: 366]. Описание самого полета связано с *видением* и *пророческим сном* рассказчика, причем, картина выглядит более осязаемой, реалистичной, чем пределы больницы. Встреча с вестником происходит на горе как аналоге Древа мирового. Гора, парящий ангел вносят в картину настоящего вертикальное измерение, пейзаж маркирует райская символика: огромная поляна, залитая солнцем, заполненная яркими цветами, вода «сияет пышущей голубизной», Байкал, «уходящий вдаль и там подымающийся в небо» [Распутин 2007, т. 2: 367]. Рассказчик переживает священный трепет, он двигается к вершине, позванный «неведомой повелительной силой». Девушка появляется внезапно из-за плеча странника (как медсестра из-за плеча врача) в «плотно облегающем ее летнем платье и босиком», улыбка озаряет ее лицо, от которого исходит свет, лицо «кажется на редкость красивым», как и у ангельской девочки Кати в рассказе «Нежданно-Негаданно». Автор специально подчеркивает босоножие героини, в котором прочитывается и опора на землю, телесная, даже чувственная убедительность образа: «Если бы не босые ноги, в ней нет ничего необычного» [Распутин 2007, т. 2: 368].

Переход через границу чудесного меняет окружающее пространство, оно преображается, включается в действие, помогает полету: свет приглушается, идет низко над землей, Байкал «возносится к небу». Герои разбегаются и взлетают, ангел держится за плечом человека. Рассказчика подхватывает и возносит солнечный свет, который обладает своей волей, действителен. Славяне представляли солнце «карателем нечистой силы и холода, а потом и нравственного зла – неправды и нече-

ствия» [Афанасьев 1994: 68]. В эстетике средневековья источником света выступает Творец, свет рассматривается как высшее проявление соразмерности мира, начало всякой красоты и бытия. В повести «Последний срок» (1970) умирающей старухе Анне свет открывает первоосновы сущего: солнечное пятно на стене, «разрастаясь, само вливалось в открытые глаза и не отпускало их своей властью», Анна «жила, и жила яснее, зорче, чем раньше, не напрягаясь для жизни, а находясь под ее осторожной охраной» [Распутин 2007, т. 2: 45]. В рассказе «Наташа» солнечный свет образует купол над землей, мир понимается как храм, в котором звучит «могучая торжественная музыка заката» [Распутин 2007, т. 2: 370]. В этот момент герою приоткрывается «все разрешающая тайна» бытия – свет в конце пещеры / лабиринта, и ангел возвращает его на землю. Переход в пределы инобытия в позднем творчестве будет ограничен исполнением назначенного, должествованием перед судьбой («Видение»).

Третья часть рассказа связана с возвращением на землю, образ проводника вновь меняется, появляются тревожность, угловатость, неловкость, черты лица девушки обостряются, она уходит в иные пределы, и «быстро сгущающиеся сумерки скрывают ее» [Распутин 2007, т. 2: 371], но остается надежда на новую встречу. Образ Наташи лишен индивидуальных черт, социальной конкретики, связей с вещным миром, что усиливает его символическое значение. «Ангельские создания» в прозе В. Распутина даны через восприятие героя-рассказчика или автора, что сохраняет тайну. Вестник способен раздвигать пределы хронотопа, являя герою соборную красоту мироздания (мир как единение родственных душ), выводя за пределы привычного, открывая смысл личного предназначения.

Образы ангельских созданий в рассказе «В больнице». Сюжет рассказа «В больнице» повторяет ключевые моменты рассказа «Наташа»: герой, переживший тяжелую операцию, находясь под действием наркоза, путешествует в инопостранство. Границы миров (сна и реальности) защищены берегами, означены присутствием *ангельских созданий* – медсестер: «И видел он каким-то особым зрением, как соступает с лифта на выложенную золо-

тистой плиткой площадку молодая совсем юная девушка в уличной короткой куртке, высоко открывающей ноги, как входит она в се- стринскую и начинает переодеваться в белое и в пять минут преобразается в ангела» [Рас- путин 2007, т. 2: 412]. Пребывание в больнице напоминает ожидание Судного дня, больные двигаются вдоль стен, «шаркая ногами, слов- но в ритуальном шествии» [Распутин 2007, т. 2: 409], к операции готовят две операцион- ные сестры «молодые, красивые, со строго вы- глядывающими из белизны ликовыми лица- ми неземных вестников» [Распутин 2007, т. 2: 405]. Исход операции и есть приговор: «Ниче- го от тебя больше не зависит, ты, как никогда, свободен и обращен в сторону, где живет веч- ность» [Распутин 2007, т. 2: 389]. В решающий момент, однако, судьбу человека определяет и нравственный потенциал его прежней жиз- ни, за что он и держит ответ: «Но зависит еще до операции, до хирурга, от мнения о тебе людей, которое собирается вместе в бестеле- сною, как тень, фигуру, ангелом-хранителем стоящую неподалеку. Да, там без ангела-хра- нителя нельзя» [Распутин 2007, т. 2: 389]. По сути, главный вопрос произведения – вопрос о судьбе человека, поставленного в предель- ную ситуацию: «Где сейчас его, Алексея Петро- вича, ангел-хранитель, не устал ли он его со- провождать?» [Распутин 2007, т. 2: 389].

Герой наделен символичным именем – Алексей, отсылающим к сокровенным персо- нажам русской словесности – от Алеши По- повича, Алексея, человека Божьего до Алеши Карамзова, – и отчеством – Петрович (от лат. камень). Не случайна его профессия – специ- алист по лесному хозяйству. В традициона- листской культуре лес символизирует Русь («Русский лес» Л. Леонова). После операции герой видит пророческий сон, описание ко- торого отсылает к ситуации в рассказе «На- таша», которая повторится и в тексте «Виде- ния» – комната, «стены завешаны картинами в легких прямоугольных рамах, на холстах все что-то абстрактное, неправильные фигуры и ломаные, рвущиеся линии. Он ищет выход и не может его найти, снова и снова обходя зал и припоминая все подряд картины, за ко- торыми могли бы быть окно или лаз». Яркий электрический свет слепит путника, «еще мгновение, и он испепелит его» [Распутин

2007, т. 2: 390]. Затем приходит понимание, что не сон это был, «что-то иное, прощаль- ное», сам же «глухой зал, залитый нестерпи- мо ярким электрическим светом», находится «где-то неподалеку», суть продолжение реаль- ности в пределы инобытия. Переход за черту символизирует звон, но здесь это «продол- жительный, требовательный звонок в кори- доре. Не телефонный, а высокий, непрерыв- ный, надрывный, как сирена» [Распутин 2007, т. 2: 394], призывающий медицинскую сестру к постели умирающего. Времени и простран- ства не существует: «Время как бы остано- вилось», обреченного увозят «в глубину длинно- го коридора» [Распутин 2007, т. 2: 395].

Герой, пережив решающую ночь, возвра- щается из кризисного состояния к жизни: «Четырежды он ходил на операцию и четы- режды его словно бы ставили на весы, отме- ривающие две известные меры. И отпускали обратно» [Распутин 2007, т. 2: 396]. Произо- шедшее отсылает к событию *психостасии*, ис- пытания (буквально – взвешивания) серд- ца, что помогает Богу оценить земной путь человека. Истоки психостасии в египетской «Книге мертвых», о ситуации упоминается в нескольких книгах Ветхого Завета, Испове- ди Св. Августина, ее описание составляет це- лую традицию в русском поэтическом мире. Выход героя из забытья аналогичен воскре- сению: «Какой-то грязный, душный оболоч сошел с него, стало просторней в груди, в го- лове – везде» [Распутин 2007, т. 2: 397], он пе- реживает омовение («умылся под тугой холод- ной струей»), оставляет больничную одежду как символ прежней жизни [Афанасьев 1994: 526], начинает самостоятельно ходить, воз- вращается к чтению.

Далее следует знаковая встреча: «Две жен- щины в красных форменных поддевах, мо- гучие, как все дорожницы», собирают сучья обломанных деревьев, и обсуждают началь- ника, «который врет и ворует». «„Все врут и воруют!“ – время от времени делали они обобщения, устанавливаясь друг против дру- га в позы пророков и воздымая руки». Одна из них, «в кроссовках на огромных ногах и в ка- кой-то странной нахлобучке на голове типа армейской пилотки с властным трубным го- лосом особенно громогласила» [Распутин 2007, т. 2: 407]. Трубный голос в сочетании

с красным цветом одежды усиливают пророческий контекст. В Ветхом Завете звук «иерихонских труб» возвещает волю Господа – Возмездие. Таким же голосом, как «Иерихонова труба», наделен герой повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) – Иван, с которым автор связывает идею возвращения Святой Руси. Мать юноши – Тамара Ивановна – изображена в тюремной телогрейке, что в поэтике В. Распутина, вослед А. Солженицыну, есть знак сопротивления [Ковтун 2019: 92–103]. После встречи «с пророками» Алексею Петровичу открывается «широкая мраморная лестница»: «И будто припрятанный выход нашел – так его опажнуло надеждой. По этой лестнице, останавливаясь и набираясь сил, он спустился в библиотеку и взял старого, дореволюционного издания Достоевского о князе Мышкине» [Распутин 2007, т. 2: 409].

Высокая торжественная лестница придает пространству вертикальное измерение, огромные «во всю стену» окна, из которых струится свет, – приметы воскресения. Переход из пределов больничного коридора / лабиринта в светлую залу связан с посещением библиотеки как некоего вместилища умерших мудрецов, вечных идей [Панченко 1980: 135–142]. Выбор книги для чтения глубоко символичен, актуализирует важнейшую для позднего В. Распутина идею поиска нового культурного героя, идеально прекрасного человека, способного вывести страну из тупика [Ковтун 2015: 208–221]. В культуре традиционализма библиотека устойчиво отождествляется с «землей обетованной», «горним миром», а чтение – с высоким трудом совершенствования души, познанием блага [Бери 1984: 24]. После посещения библиотеки герою открывается выход в парк, описание которого отмечено приметами рая, здесь «сладкие запахи», зеленые аллеи, «маленький прудок» с «золотистыми блестками». Пейзаж залит солнцем и воспринимается как «сказочный».

Текст завершает встреча Алексея Петровича с юными влюбленными – новыми Адамом и Евой, они слушают в записи колокольный звон и собираются венчаться на острове Ваалам. Колокольным звоном и поддерживается зыбкая граница между мирами. Юноша примеряет на себя подвиг Архангела Михаила – борца против дракона: «Если бы там

в древнем замке на краю скалы сторожили тебя драконы – я бы и туда прошел. Мимо Змея Горыныча и всех его двадцати пяти голов» [Распутин 2007, т. 2: 417]. Показательно, что «коллекция из маленьких колокольчиков» будет важнейшим атрибутом переходного пространства и в рассказе «Видение». В обоих текстах путешествие к запредельному связано с миром воображения героев, есть вопрошание смысла. Роль ангельских созданий в тексте несамодостаточна, подчинена этическому должностованию персонажа.

Образ Свидетеля в рассказе «Нежданно-Негаданно». В рассказе «Нежданно-Негаданно» сюжет выстроен вокруг чудесной девочки Кати, которая суть воплощение *Божественного Свидетеля*: «А может, это Он, Бог, послал от Себя ангельское создание, чтобы иметь чистое свидетельство?» [Распутин 2007, т. 3: 367]. Свидетель в Библии – тот, кто непосредственно присутствует при каком-либо событии и может рассказать о нем. Ветхозаветные книги неоднократно остерегают от ложного свидетельства (Исх. 23:1; Пс. 34:11; Притч. 14:5). Сам Господь мог выступать в роли Свидетеля невинного, он также мог быть Свидетелем тайных помыслов (Прим. 1:6). Апостолы свидетельствовали слова и дела Христа, вплоть до чуда Воскресения (Деян. 1:22, 2:32). Самого Иисуса называют «свидетелем верным» (Откр. 1:5). Он не только сам свидетельствует о себе, но и его Отец – Свидетель для него (Ин. 8:12–20). Явление Свидетеля – знак трагических событий, войн, варварских нашествий, природных катастроф, когда особенно остро встает вопрос о *присутствии Бога в истории*.

Текст выстроен по новозаветной канве: погрязшему во грехе обществу послана чудесная девочка Катя – «ангельское создание», чтобы Господь имел «чистое свидетельство». Вестник появляется в ситуации, которая автором осознана как апокалипсическая: люди заняты торгом, стоит испепеляющая жара, пространство цивилизации напоминает бездну, по мосту через Ангару «ползет из машин с краю с шипом огромная, во весь мост, разноцветная гусеница, то вздымаясь горбом, то опуская уродливые сочленения. А по другой боковине моста навстречу ей двигалась, поддерживая длинное членистое тело, точно такая же гусеница. И дух с моста сбрасывался

едкий, злой» [Распутин 2007, т. 3: 351]. В рассказе сведены воедино ключевые мотивы всей прозы В. Распутина: скитания / паломничества, соблазна, полона, чуда, битвы и воздаяния. Сюжет, повествующий о пленении «чужими», варварами, девочки с «ангельским ликом», аллюзивно связан с ранними текстами писателя, повестью «Деньги для Марии» (1970), композиционно предваряет итоговый текст «Дочь Ивана, мать Ивана».

На ангельскую природу девочки указывает исключительная красота как сакральное свойство, отраженное в культуре иконописи [Есаулов 1998: 42–53]. Образ (икона) почитался на Руси и как украшение: «Первое назначение икон книжники, как правило, видели в украшении ими храмов» [Бычков 1992: 388]. Красота подчеркивает контраст между ангелом и окружающей обстановкой (базар): «Не засмотреться на нее было нельзя: дымно-белые волосы, какие называют льняными, сразу уходили назад в тугую косу с темно-красным бантом, и лицо чуть вытянутое, чистое, нежного и ласкового овала, было открыто. Глаза, нос, губы, щеки – все было вылеплено на этом лице с удивительной точностью, чтобы ничего отдельно не выделялось, а вместе явило ангельский лик» [Распутин 2007, т. 3: 366]. «Нет, не лепилось это лицо взаимным наложением родительских черт, а выдувалось, как из трубки стеклодува, небесным дыханием» [Распутин 2007, т. 3: 367], лицо «было красивым, очень красивым какой-то красотой иных краев» [Распутин 2007, т. 3: 369]. Цветовое решение образа усиливает сакральный контекст, Катя одета в «синенькую курточку» и «красные сандалики», красный и синий – софийные, иконописные цвета.

«Внутренний сюжет» рассказа построен на ключевой для В. Распутина идее о пленении Св. Руси как Души мира (Софии Премудрости Божией) «чужими», отступниками, восходящей к «Житию протопопа Аввакума»: «Выпросил у Бога светлую Русь сатана, да очервленит ее кровию мученическою». Сеня Поздняков впервые видит девочку сидящей на лестнице-древа у входа в магазин, напоминающий *вертеп*. Изображение героини ассоциируется с известной иконой Симона Ушакова «Похвала Богоматери Владимирской», которую публикуют под назва-

нием «Древо государства Московского» (1668). В середине икона Богородицы, ее окружают ветви древа, произрастающие из Успенского собора Московского кремля [Лепяхин 2011: 77]. Как и маленькая Катя из «Живи и помни», девочка просит милостыню, но на нищенку не похожа: «Мы устали от грязной, оборванной нищеты, нам и нищету подавай красивую», – заключают окружающие [Распутин 2007, т. 3: 368]. Положение на лестнице / древе, удивительная красота, нездешность акцентируют богородичный контекст образа. Окружают Катю скоморох-фотограф с медведем, «несколько цыганят» и три нищих старика, «один совсем безногий, на каталке». В повести «Дочь Ивана, мать Ивана» судьбу девочки повторит юная Светка, ее тоже уведут в полон, к старику-бомжу, в образе которого сходятся черты дряхлости и отталкивающие зоологические признаки.

Образ девочки-ангела в рассказе маркируют и сказочные приметы – «точно слетевшая из сказки» [Распутин 2007, т. 3: 366]. Сеня же сравнивается с Балдой из «Сказки о попе и работнике его Балде», что подчеркивает травестийный код образа [Климова 2007: 205–206]. В деревне подругой Кати становится маленькая Ариша, которую Сеня не случайно называет *Ариной Родионовной*. Аришу отличают молчаливость, одиночество, босоножие, уже известные по описанию медсестры Наташи. Девочки в рассказе необыкновенно серьезны, равнодушны к играм и забавам, но внимательно всматриваются в окружающий мир. Катя, слушая небылицы Сени, пристально смотрит на него, «словно говоря: а ведь я уже старше, мне эти сказки рассказывать поздно» [Распутин 2007, т. 3: 382]. Автор подчеркивает особую связь ангельского образа со Словом, национальной классикой, понимаемой как воплощение души народа. В. Распутин убежден, что для «сознания русского человека» есть «два мощных стимула»: «Это родная вера его, православная вера, и это родная литература», причем последняя «выполняла и священническую миссию» [Распутин 2007 (1)].

До встречи с Сеней Катя выглядит вялой, застывшей, «как стеклянная»: «Ангельское лицо, с таким вдохновением слепленное, пожалуй, не вздуто изнутри свечкой, которая бы его освещала и теплила. Или она загасла уже

при жизни, лицо казалось тусклым» [Распутин 2007, т. 3: 369]. Жизнь девочки сосредоточена на внутреннем мире, взгляд обращен глубоко в себя, как у святых на иконах. Пока героиня находится в пределах города, который получает устойчивые признаки адского пространства, она сохраняет отсутствующий или испуганный вид: «смотрела со стылым вниманием», «дергается безвольно, тряпично, как неживая». Изменения связаны с поездкой в деревню, где Кате открывается «лад» естественной жизни, красота природы. Прогулки по лесу, сбор грибов, работа на огороде наполнены поэзией, *радость* героини передается окружающим, становится модусом восприятия жизни, указывает на спрямление пути к Богу [Трубицына 2000: 156–158]. К Сене возвращается страсть рассказчика, балагурство, его жена – Галя – легко справляется с работой на огороде. Само присутствие angelской девочки преображает деревенский быт, гармонизируя, украшая, возвращая населенникам память о первоначалах (в соответствии с идеей Ф. Достоевского о Красоте, спасающей мир).

Деревенская усадьба Поздняковых, как и остров Матера, получает устойчивые приметы *Ковчега*, населенного праведниками (одну из крестьянок зовут Правдея Федоровна), «невинными» людьми, они «настоящей жизни, которая теперь взяла силу, не знают» [Распутин 2007, т. 3: 360], и сопровождающими их тварями. Деревня отделена и удалена от мира цивилизации рекой, которая, замерзая на зиму, превращает поселение в непреступный остров. От цивилизации крестьянский мир защищает и система берегов, функции которых в поэтике традиционалистов выполняют *старинные вещи*: «Катя так и обмирала перед лампой. Она то прибавляла, то убавляла фитиль, по лицу ее ходили блики, глаза искрились» [Распутин 2007, т. 3: 394]. Крестьяне, отлученные от городских благ, репрессивной цивилизации, сохраняют традиционные устои бытия, что и позволяет Сене надеяться, что здесь «надежней надежного». Трагический финал текста, когда Катю силой уводят в полон прежние хозяева – торговцы, указывает на обреченность насельников (автохтонов), бессилие прежних берегов и талисманов.

В соответствии с вывернутостью современного бытия, разрушением веры, цивилизованное общество не внемлет ангелу. Чудесную девочку пытается уберечь Сеня, но эта задача не под силу *трикстеру*. На функционал трикстера указывают имя героя (не Семион, но только Сеня), его суетность, азартность: «петушистый» голос, «горячий мужичонка» [Ковтун 2011: 65–81]. Аналогия с петухом символизирует миссию защитника от злых сил и юродскую долю одновременно (в поэтике В. Распутина). Сеня и должен решить молодецкую задачу: «Любил он еще, бывая в городе, поискать „то, сам не знаю что“, открывающую в сказке путь к чуду. Так классическая задача трикстера – находить выход из затруднительной ситуации, когда прежние святыни и патриархи не действуют, соединяется с ритуальной. Слабость Сени, неспособность защитить ангела, по наблюдению И. И. Плехановой, соответствует *принципу неопределенности* как одному из присущих актуальной культуре [Плеханова 2017: 188–207]. В рассказе «Сеня едет» (1994), открывающем цикл, герой отправляется в Москву для борьбы с насильниками над страной, но в итоговом тексте «Нежданно-Негаданно» оказывается бессилен в собственном доме, отдает девочку ее мучителям. В момент прощания именно Катя ведет себя как взрослая, жертвуя собой во имя спасения приютивших ее людей. После исчезновения ангела герою и самому хочется «провалиться в тартарары».

Дома Сеню встречает жена: «У стола лицом к двери сидела Галя, не снимая телогрейку, и ждала его» [Распутин 2007, т. 3: 399]. Положение женщины за столом, телогрейка на ее плечах отсылают к *мотивам сопротивления* (в транскрипции А. Солженицына), *самостояния и возмездия*. Героиня, некогда спасшая самого Сеню, теперь отказывается простить мужу слабость: «Галя следила за ним, словно все еще что-то ожидая, потом в неожиданном припадке уронила голову на стол и, пристукивая ею, сдавленно, страшно, чужеголосово выкрикивала: – Сеня! Сеня! Сеня!» [Распутин 2007, т. 3: 399]. За образом крестьянки проступают фигуры героинь поздней прозы: Пашуты, Агафьи, Тамары Ивановны, с которыми автор и связывает надежду на спасение Руси. Именно женщина встанет на защиту пору-

ганной чести собственного дитя и русской земли в целом, демонстрируя силу духа, независимость и великое бесстрашие. Так автор реализует позитивный образ человека – не идеального, но жизненно убедительного.

Выводы. Итак, парадигму вестников в позднем творчестве В. Распутина обогащают образы «ангельских созданий», среди которых выделяются *ангелы-хранители* и *Свидетели*. Ангелы появляются в переломный, критический для героя момент (ожидание смерти, тяжелая болезнь, операция), открывают тайное знание или помогают обрести надежду. Настена в повести «Живи и помни» призывает мужа-дезертира к *покаянию* перед Богом и миром (собором), открывая путь к спасению, но Андрей не находит в себе мужества на поступок, приносит в жертву Настену и будущего ребенка, закрывая возможность искупления греха. Наташа из одноименного рассказа увлекает героя в полет навстречу чувствилищу, возвращает заболевшему, изнемогшему человеку чувство красоты мироздания, частью которого он является: «Я вижу и слышу все и чувствую себя способным постичь главную, все объединяющую и все разрешающую тайну, в которой от начала и до конца сошлась жизнь...» [Распутин 2007, т. 2: 370]. Медсестры с «иконописными лицами» в рассказе «В больнице» – стражи сакральной границы между мирами, их появление вселяет уверенность в высшую гармонию и справедливость, где человеку воздастся по заслугам.

Миссия «ангельской девочки» Кати как Свидетеля Бога, указывающего путь к Руси подлинной, первоначальной, что сокрыта, по слову автора, «за пеленой», не исполнена.

Осознание «русской идеи», сохранение нации и есть для В. Распутина открытие пути к Богу. В рассказе, напротив, саму девочку удерживают в полоне, крадут, ведут, прячут. Писатель настаивает на нравственном самостоянии личности и нации, на необходимости аскезы, внутренней работы, но не может не видеть истончение веры, роковое бессилие народа. Он впадает в отчаяние, однако, надеется на возможность спасения, чуда, жажда которого пронизывает всю его позднюю прозу.

Модели, которые использует художник в построении инопространства, достаточно устойчивы, представляют синтез религиозной символики и природной убедительности. В их основании – визионерские практики, известные в фольклоре: символика реки, ладьи, дома / домовины, кладбища, Древа мирового / горы, моста / переправы, окна / двери, чудесного света, призывного голоса, колокольного звона, но прочитываются они в классических и поздних текстах мастера по-разному. В патриархальной культуре, когда жива вера в сакральную силу ритуала, нерасторжимость жизни и смерти, образы *вестников* объективизированы. С разрушением основ традиционализма уходит ощущение связи с природным бытием, обычаями предков, современный человек оказывается одинок и нуждается в новых ритуалах, примиряющих его с нехоженным пространством и хаотичным временем. Меняется и сама интонация поздней прозы В. Распутина, отмеченная отстраненной саморефлексией, иронией, однако и здесь *слово* соотносится с беспредельностью, своеобразно наследуя *вестникам*, *ангельским созданиям*, судьба которых исполнена трагизма.

Литература

- Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А. Афанасьев. – М. : Индрик, 1994. – Т. 2. – 788 с.
- Бери, Р. Филобиблон / Р. Бери. – М. : Книга, 1984. – 460 с.
- Большой путеводитель по Библии : пер. с нем. – М. : Республика, 1993. – 479 с.
- Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века / В. В. Бычков. – М. : Мысль, 1992. – 637 с.
- Дашевская, О. А. Творчество В. Распутина и Д. Андреева как варианты визионерских интуиций XX века / О. А. Дашевская // Творческая личность В. Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение : сборник научных трудов / отв. ред. И. И. Плеханова. – Иркутск : ИГУ, 2015. – С. 432–446.
- ДеБлассио, А. Русское лицо, «Русская идея»: «Наташа» В. Распутина / А. ДеБлассио // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. Вып. 16: мир и слово В. Распутина : междунар. науч. конф., посвященная 70-летию В.Г. Распутина : материалы. – М. ; Иркутск : Иркут. ун-т, 2007. – С. 104–109.
- Галимова, Е. Мистическое в художественном мире Валентина Распутина / Е. Галимова // Творчество Валентина Распутина: ответы и вопросы : монография / под ред. И. И. Плехановой. – Иркутск : ИГУ, 2014. – С. 66–76.
- Есаулов, И. А. Проблема визуальной доминанты русской словесности / И. А. Есаулов // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков. – Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т, 1998. – Вып. 2. – С. 42–53.

Ковтун Н. В. «Ангельские создания» в прозе В. Распутина: специфика репрезентации, функционал

Жукова, Е. Тема Ангела-хранителя в рассказе В. Г. Распутина «Наташа» (распутинская проза как источник духовных открытий) / Е. Жукова // Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы : международ. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения В. Г. Распутина : материалы. – Иркутск : ИГУ, 2012. – С. 589–593.

Зозуля, А. Изображение ада и рая в некоторых древнерусских текстах / А. Зозуля // Русская филология. 3 : сборник научных студенческих работ. – Тарту : Изд-во Тарт. ун-та, 1971. – С. 15–25.

Климова, Т. Ю. Рассказы о Сене Позднякове В. Распутина в контексте сказового дискурса / Т. Ю. Климова // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. – 2007. – С. 194–208.

Ковтун, Н. В. «Матрёнин двор» и его корреляты в современной русской прозе / Н. В. Ковтун // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2019. – № 1. – С. 92–103.

Ковтун, Н. В. «Демонологический» сюжет в повести В. Распутина «Живи и помни» / Н. В. Ковтун // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 232–241.

Ковтун, Н. В. Инопространство в поздних рассказах В. Распутина: «Изба» и «Видение» / Н. В. Ковтун // Literatura. – 2015. – № 57(5). – С. 306–315.

Ковтун, Н. В. Книга – автор – читатель в поздних текстах В. Распутина / Н. В. Ковтун // Вестник УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 139, № 2. – С. 208–221.

Ковтун, Н. В. Образы «Вестников инобытия» в прозе В. Распутина / Н. В. Ковтун // Творческая личность В. Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение : сб. науч. тр. / отв. ред. И. И. Плеханова. – Иркутск : ИГУ, 2015. – С. 277–289.

Ковтун, Н. В. Трикстер в окрестностях поздней деревенской прозы / Н. В. Ковтун // Respectus Philologicus. – 2011. – № 19 (24). – Р. 65–81.

Козырев, А. П. Валентин Распутин и начала русской философии / А. П. Козырев // Валентин Распутин. Правда памяти : материалы Всерос. науч. конф., посвященной 80-летию со дня рождения писателя. Иркутск, 28 сент. – 2 окт. 2017. – Иркутск : ИГУ, 2018. – С. 100–114.

Левкиевская, Е. Пространство потустороннего мира в народных представлениях восточных славян / Е. Левкиевская // Славяноведение. – 2006. – № 6. – С. 13.

Лепяхин, В. Слово и текст в иконе: проблемы трансфера и интермедальности / В. Лепяхин // Russian Literature. – 2011. – Vol. LXIX. – С. 56–79.

Народная проза / сост., вступ. ст. и коммент. С. Н. Азбелева. – М. : Русская книга, 1992. – (Библиотека русского фольклора: Т. 12).

Панченко, А. М. Переход от древней русской литературы к новой / А. М. Панченко // Чтения по древнерусской литературе. – Ереван : Изд-во Ерев. ун-та, 1980. – С. 135–142.

Плеханова, И. И. Александр Вампилов и Валентин Распутин: диалог художественных систем : монография / И. И. Плеханова. – Иркутск : ИГУ, 2016. – 332 с.

Плеханова, И. И. Испытание неопределенностью (автор и герой в ситуации вызова) / И. И. Плеханова // Александр Вампилов и Валентин Распутин: творческий потенциал «иркутской истории» : материалы Междунар. науч. конф. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – С. 188–207.

Плеханова, И. И. Константы переходного времени. Литературный процесс рубежа XX–XXI веков : монография / И. И. Плеханова. – Иркутск : ИГУ, 2010. – 491 с.

Подрезова, Н. Н. Образ женственности в свете пространственных характеристик (на материале рассказа «Наташа») / Н. Н. Подрезова // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. – 2007. – С. 92–104.

Преловская, Д. О. Мотивы полноты (исполненности) и тайны в рассказах В. Г. Распутина 1981 года / Д. О. Преловская // Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы. – 2012. – С. 194–195.

Распутин, В. Г. Время Достоевского / В. Г. Распутин. – Текст : электронный // Балтика. Международный журнал русских литераторов. – 2007. – № 8 (1). – URL: www.baltwillinfo.com/baltika/107/b19.htm.

Распутин, В. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе / В. Распутин. – Иркутск : Издатель Сaproнов, 2007. – 528 с.

Распутин, В. Г. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Г. Распутин. – Иркутск : Изд-ль Сaproнов, 2007.

Рыбальченко, Т. Л. Интуиция метафизического в прозе В. Распутина / Т. Л. Рыбальченко // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. – 2007. – С. 6–26.

Степанова, В. А. Мировоззренческий дуализм прозы В. Распутина / В. А. Степанова // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М. : Флинта ; Наука, 2015. – С. 313–327.

Трубицына, М. Ю. Принципы православной педагогики на материале повести «Богомолье» И. С. Шмелева / М. Ю. Трубицына // Традиции в контексте русской культуры. – Череповец : Череповецкий гос. ун-т, 2000. – Вып. VII. – С. 156–158.

Шадрин, А. А. Сопредельные миры чинарей. Герменевтика концепта «Теории слов» Л. С. Липавского : монография / А. А. Шадрин. – Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2016. – 146 с.

Цветова, Н. Валентин Распутин в слове и за словом / Н. Цветова. – СПб. : Алетей, 2018. – 188 с.

References

- Afanas'ev, A. (1994). *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic views of the Slavs on nature, in 3 vols.]. Moscow. Vol. 2. 788 p.
- Azbeleva, S. N. (ed.). (1992). *Narodnaya proza* [Folk prose]. Moscow (Biblioteka russkogo fol'klora: T. 12).
- Beri, R. (1984). *Filobiblon* [Philobiblon]. Moscow. 460 p.

- Bol'shoj putevoditel' po Biblii* [The great guide to the Bible]. (1993). Moscow. 479 p.
- Bychkov, V. V. (1992). *Russkaya srednevekovaya estetika XI-XVII veka* [Russian medieval aesthetics of the XI-XVII century]. Moscow. 637 p.
- Cvetova, N. (2018). *Valentin Rasputin v slove i za slovom* [Valentin Rasputin in a word and behind a word]. Saint Petersburg, Aleteiya. 188 p.
- Dashevskaya, O. A. (2015). Tvorchestvo V. Rasputina i D. Andreeva kak varianty vizionerskikh intuitsii XX veka [Creativity of V. Rasputin and D. Andreev as variants of visionary intuitions of the XX century]. In Plekhanova, I. I. (ed.). *Tvorcheskaya lichnost' V. Rasputina: zhivopis' – chuvstvo – mysl' – voobrazhenie – otkrovenie: sbornik nauchnykh trudov*. Irkutsk, IGU, pp. 432–446.
- DeBlassio, A. (2007). Russkoe litso, «Russkaya ideya»: «Natasha» V. Rasputina [Russian Russian Russian face, "Russian idea": "Natasha" by V. Rasputin]. In *Tri veka russkoi literatury: Aktual'nye aspekty izucheniya*. Vyp. 16: mir i slovo V. Rasputina: mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennaya 70-letiyu V. G. Rasputina: materialy. Moscow, Irkutsk, Irkut. un-t, pp. 104–109.
- Esaulov, I. A. (1998). Problema vizual'noi dominanty russkoi slovesnosti [Russian literature: the problem of the visual dominant of Russian literature]. In *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII-XIX vekov*. Petrozavodsk, Petrozavodskii gos. un-t. Issue 2, pp. 42–53.
- Galimova, E. (2014). Misticheskoe v khudozhestvennom mire Valentina Rasputina [Mystical in the art world Valentine Rasputina]. In Plekhanova, I. I. (ed.). *Tvorchestvo Valentina Rasputina: otvety i voprosy: monografiya*. Irkutsk, IGU, pp. 66–76.
- Klimova, T. Yu. (2007). Rasskazy o Sene Pozdnyakove V. Rasputina v kontekste skazovogo diskursa [Stories about Sena Pozdnyakov V. Rasputin in the context of fantastic discourse]. In *Tri veka russkoi literatury: Aktual'nye aspekty izucheniya*, pp. 194–208.
- Kovtun, N. V. (2011). Triksster v okrestnostyakh pozdnei derevenskoi prozy [Trickster in the vicinity of late village prose]. In *Respectus Philologicus*. No. 19 (24), pp. 65–81.
- Kovtun, N. V. (2015). «Demonologicheskii» syuzhet v povesti V. Rasputina «Zhivi i pomni» ["Demonological" plot in V. Rasputin's story "Live and remember"]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 232–241.
- Kovtun, N. V. (2015). Inoprostranstvo v pozdnykh rasskazakh V. Rasputina: «Izba» i «Videnie» [Inospace in V. Rasputin's later stories: "Izba" and "Vision"]. In *Literatura*. No. 57 (5), pp. 306–315.
- Kovtun, N. V. (2015). Kniga – avtor – chitateľ v pozdnykh tekstakh V. Rasputina [Book – author – reader in the later texts of V. Rasputin]. In *Vestnik UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. Vol. 139. No. 2, pp. 208–221.
- Kovtun, N. V. (2015). Obrazy «Vestnikov inobytiya» v proze V. Rasputina [Images of "Messengers of otherness" in V. Rasputin's prose]. In Plekhanova, I. I. (ed.). *Tvorcheskaya lichnost' V. Rasputina: zhivopis' – chuvstvo – mysl' – voobrazhenie – otkrovenie: sb. nauch. tr.* Irkutsk, IGU, pp. 277–289.
- Kovtun, N. V. (2019). «Matrenin dvor» i ego korrelyaty v sovremennoi russkoi proze ["Matrenin Dvor" and its correlates in modern Russian prose]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 1, pp. 92–103.
- Kozyrev, A. P. (2018). Valentin Rasputin i nachala russkoi filosofii [Valentin Rasputin and the beginnings of Russian philosophy]. In *Valentin Rasputin. Pravda pamyati: materialy Vseros. nauch. konf., posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya*. Irkutsk, 28 sent – 2 okt. 2017. Irkutsk, IGU, pp. 100–114.
- Lepakhin, V. (2011). Slovo i tekst v ikone: problemy` transfera i intermedial`nosti [Word and text in the icon: problems of transfer and intermediality]. In *Russian Literature*. Vol. LXIX, pp. 56–79.
- Levkieskaya, E. (2006). Prostranstvo potustoronnego mira v narodnykh predstavleniyakh vostochnykh slavyan [The space of the other world in the folk representations of the Eastern Slavs]. In *Slavyanovedenie*. No. 6, pp. 9–15.
- Panchenko, A. M. (1980). Perekhod ot drevnei russkoi literatury k novoi [The Transition from old Russian literature to a new]. In *Chteniya po drevnerusskoi literature*. Erevan, Izd-vo Erev. un-ta, pp. 135–142.
- Plekhanova, I. I. (2010). *Konstanty perekhodnogo vremeni. Literaturnyi protsess rubezha XX-XXI vekov* [Transition time Constants. Literary process of the turn of the XX-XXI centuries]. Irkutsk, IGU. 491 p.
- Plekhanova, I. I. (2016). *Aleksandr Vampilov i Valentin Rasputin: dialog khudozhestvennykh sistem* [Alexander Vampilov and Valentin Rasputin: dialogue of art systems]. Irkutsk, IGU. 332 p.
- Plekhanova, I. I. (2017). Ispytanie neopredelennost'yu (avtor i geroi v situatsii vyzova) [The test of uncertainty (author and hero in a challenge situation)]. In *Aleksandr Vampilov i Valentin Rasputin: tvorcheskii potentsial «irkutskoi istorii»: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* Irkutsk, IGU, pp. 188–207.
- Podrezova, N. N. (2007). Obraz zhenstvennosti v svete prostranstvennykh kharakteristik (na materiale rasskaza «Natasha») [Image of femininity in the light of spatial characteristics (based on the story "Natasha")]. In *Tri veka russkoi literatury: Aktual'nye aspekty izucheniya*, pp. 92–104.
- Prelovskaya, D. O. (2012). Motivy polnoty (ispolnennosti) i tainy v rasskazakh V. G. Rasputina 1981 goda [Motives of completeness (fulfillment) and mystery in V. G. Rasputin's stories 1981]. In *Vremya i tvorchestvo Valentina Rasputina: istoriya, kontekst, perspektivy*, pp. 194–195.
- Rasputin, V. G. (2007). *Sobranie sochinenii* [Collected works, in 4 vols.]. Irkutsk, Izdatel'Sapronov.
- Rasputin, V. G. (2007). *V poiskakh berega: Povest', ocherki, stat'i, vystupleniya, esse* [In search of the shore: a Story, essays, articles, speeches, essays]. Irkutsk, Izdatel'Sapronov. 528 p.
- Rasputin, V. G. (2007). Vremya Dostoevskogo [Dostoevsky's Time]. In *Baltika. Mezhdunarodnyi zhurnal russkikh literaturov*. No. 8 (1). URL: www.baltwillinfo.com/baltika/107/b19.htm.
- Rybal'chenko, T. L. (2007). Intuitsiya metafizicheskogo v proze V. Rasputina [Intuition of the metaphysical in V. Rasputin's prose]. In *Tri veka russkoi literatury: Aktual'nye aspekty izucheniya*, pp. 6–26.
- Shadrin, A. A. (2016). *Sopredel'nye miry chinarei. Hermenevtika kontsepta «Teorii slova» L. S. Lipavskogo* [Contiguous worlds of chinars. Hermeneutics of the concept of "Word Theory" by L. S. Lipavsky]. Izhevsk, Udmurtskii gos. un-t. 146 p.

Stepanova, V. A. (2015). Mirovozzrencheskii dualizm prozy V. Rasputina [Worldview dualism of V. Rasputin's prose]. In Kovtun, N. V. (ed.). *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov*. Moscow, Flinta, Nauka, pp. 313–327.

Trubitsyna, M. (2000). Printsipy pravoslavnoi pedagogiki na materiale povesti «Bogomol'e» I. S. Shmeleva [Principles of Orthodox pedagogy based on the material of the story "Bogomolye" by I. S. Shmelev]. In *Traditsii v kontekste russkoi kul'tury*. Cherepovets, Cherepovetskii gos. un-t. Issue VII, pp. 156–158.

Zhukova, E. (2012). Tema Angela-khranitelya v rasskaze V. G. Rasputina «Natasha» (rasputinskaya proza kak istochnik dukhovnykh otkrytii) [The theme of the guardian angel in V. G. Rasputin's story "Natasha" (Rasputin's prose as a source of spiritual discoveries)]. In *Vremya i tvorchestvo Valentina Rasputina: istoriya, kontekst, perspektivy: mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 75-letiyu so dnya rozhdeniya V. G. Rasputina: materialy*. Irkutsk, IGU, pp. 589–593.

Zozulya, A. (1971). Izobrazhenie ada i raya v nekotorykh drevnerusskikh tekstakh [Image of hell and Paradise in some old Russian texts]. In *Russkaya filologiya. 3: sbornik nauchnykh studencheskikh rabot*. Tartu, Izd-vo Tart. un-ta, pp. 15–25.

Данные об авторе

Ковтун Наталья Вадимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Адрес: 660049, Россия, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89.

E-mail: nkovtun@mail.ru.

Author's information

Kovtun Natalya Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of World Literature and Methods of Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russia).